

Современное поколение.

Часть III. Медицинский аспект натуризма

Профессиональный аспект

Помощь врача-натуропата не требует усидчивости и повторных визитов аллопата, поскольку его больше, чем развитие болезни, интересуют конституциональные и патологические особенности пациента. Среди терапевтических рецептов натуризма наблюдается большее единодушие, чем в классической медицине, где крайне редко можно встретить двух врачей, согласных с одинаковым лечением. Врач-натуропат не свободен от недостатков и пороков врача-аллопата, поскольку ему приходится добывать средства к существованию за счет распространения своих знаний. Его мышление может быть нарушено теми же обстоятельствами, что и мышление других людей; спешка, беспокойство, неприятность случая или момента, переживания и тысячи других факторов часто мешают ему максимально и наилучшим образом использовать свои знания и психику. Больной должен осознать эти тревожные мотивы и, прежде всего, убедиться в том, что неправильно доверять свои дела, а тем более здоровье, чужим усилиям. Редемпторизм уже в значительной степени дискредитирован.

Натуризм стремится сделать врача ненужным, предоставив каждому владеть интеллектуальным достоянием, которое является хранителем здоровья и жизни. Для этого он старается подавить причины болезни в человеке, навязывает гигиенические привычки, отказывается от всего вредного, упрощает терапию и делает лекарство достижимым для любого интеллекта и любого кармана. Трофология (наука о питании) сделала огромный шаг вперед в унификации средств лечения, которая является венцом унификации болезни. Профилактика болезней не может быть возложена на деятельность врачей, ее нельзя ожидать от дезинфекции, антисептики и вакцинации. Ее должен достичь человек, освободившись от пороков и проступков, укрепив себя в контакте с природой, борясь со своими недостатками и предрасположенностями, и общество, искоренив социальные институты, способствующие ее развитию.

Препятствия на пути к его распространению

Натуризм открыто вступает в противоречие с официальной наукой, с общим мнением, с предрассудками и представлениями, закрепленными обычаем, но особенно с бессознательными висцеральными глубинами личности; приобретенные привычки вызывают раздражение, а внутренний мир противостоит яростному сопротивлению угрожающей ему диверсии.

Раб порока, лентяй, абулик, тот, кто занял свою позицию, окажет такое же сопротивление натуризму, какое государство оказывает растормаживающим идеям. Как можно принять идеи, которые стремятся ниспровергнуть устоявшийся порядок, в котором было столько спокойствия, навязывая жертвы, усилия воли и лишения, не имея иной компенсации, кроме удовлетворения от победы над самим собой?

Натуризм не вызывает такого отвращения, как участие бессознательного, если не считать неправильного обучения, невежества или ошибочного опыта.

Болезнь с ее хроническим течением, против которой так бессильна официальная медицина, приводит многих к натуризму, как экономическая зависимость приводит других к анархизму. Но меньше всего тех, кто принимает эти идеологии без отвращения.

Освобождение личности

Повсюду нас окружают цепи. Мы – рабы общества, его институтов, его беззаконий, его догм и обычаев. Мы – рабы своего тела: его страстей, слабостей, осадка животности.

Мы даже рабы тех, кто нас окружает: рутинная диета делает нас зависимыми от помощи окружающих, от помощи кухни, которую называют «женской клеткой». Я далек от того, чтобы приравнивать различные формы рабства друг к другу; моя чувствительность позволяет мне воспринимать всю боль и отчаянное нетерпение экономического рабства, являющегося матрицей всех остальных. Я понимаю и материальную невозможность освободиться от всех, как, например, от тех, кто зависит от нашей природы, но если бы я не видел этого на практике, то не мог бы представить себе, как может претендовать на освобождение от одного рабства человек, который с удовольствием терпит другие, даже те, которые от него зависят. Натуризм способствует целостному освобождению человека.

Он избавляет его от болезней, от пороков, от висцерального дисбаланса; очищая его вкусовые ощущения, он не нуждается в кулинарных возбуждениях; сыроядение делает ненужным приготовление пищи и обсаживание. Тот, кто начинает с независимости от других, лучше приспособлен к независимости от самого себя.

С чего начать?

Для анархизма первым должно быть уничтожено социальное рабство, поскольку экономическое и политическое рабство закрепляет и поощряет остальные. Для натурализма же индивидуальная свобода – самоотречение, самонезависимость – должна быть основой всех остальных и гарантией эффективного интегрального освобождения.

Мы должны сначала достичь того, что находится в наших собственных руках, как основа для достижения того, что может быть достигнуто только коллективно. Эти два идеала, однако, не повторяют друг друга, а взаимопроникают; из их взаимопроникновения, из их интимного слияния рождается сияющий свет, возвещающий новый день и лучшую жизнь, построенную на более человеческих основах и в большей гармонии с природой.

Разговор о натурализме. Режим питания

В идеале, где преобладают индивидуальности, и в науке, которая еще слишком молода и продолжает развиваться, трудно найти то единство, которое характерно для стада или догматической науки. В натурализме существуют самые разные мнения не только о его философских рамках, социальной значимости или регенеративном потенциале, но и о его медицинском аспекте и определении оптимального режима питания.

В этой и последующих статьях я постараюсь указать на точки соприкосновения и согласия между натуралистами, которые могут быть затронуты благодаря тому, что все они являются вопросами, уже рассмотренными наукой. Это послужит данью тому беспокойному и жадному духу познания, который в предыдущих номерах проявился в этих колонках благодаря легкому перу товарища Каро Креспо.

Вред и нарушения, наносимые нашему организму режимом питания, закрепленным обычаями и рутиной, настолько очевидны, что не нуждаются в демонстрации. Если бы не было этих последствий, то полного отрыва от науки и пренебрежения к здоровью было бы достаточно для тех, кто стремится к совершенству, к приведению своих действий в гармонию с разумом, к поиску диеты, соответствующей его природе, которая сохранила бы его здоровье и оживила бы его организм.

Каждый человек должен стремиться контролировать свои действия: наблюдать за ними, находить их «причину» и подтверждать их или изменять в соответствии со своими знаниями или стремлениями. Самообразование, которое навязывается взрослому человеку для того, чтобы исправить ущерб от плохого воспитания или от полной педагогической запущенности, полученной в детстве. И самое главное, что заслуживает внимания в силу своей первостепенной важности, - это питание.

Обычная пища, которая служит лишь для услаждения вкуса, вредна из-за своей токсичности, неудобна из-за избытка альбумина, неестественна из-за изменения и разрушения жизни пищи и из-за преувеличенной стимуляции пищеварительной системы или

ее отсутствия.

Натуропаты единодушны в признании вреда, наносимого употреблением мяса. Наблюдение и наука показывают, что оно усиливает септику кишечника, что оно подкисляет наши газы, что оно содержит ядовитые вещества и что оно предлагает нам мертвый материал и материал, находящийся в более или менее зачаточном состоянии разложения в любой форме. Наш зубной аппарат недостаточен для жевания: из-за скудости остатков он не стимулирует перистальтику кишечника, а из-за избытка протеинов он является причиной – наследственно накопленных болезней, называемых алиментарными и входящих в понятие «артрит».

Другие, менее объективные, но не менее весомые причины заставляют большинство натуропатов запретить ее в рационе, поскольку опыт показывает, что она не является незаменимой для человека.

Несмотря на это, есть натуропаты, которые, обвиняя злоупотребления во зле, терпимо относятся к мясу, но рекомендуют употреблять его умеренно и в полдень. Такой же конформизм царит и в запрете на алкоголь, кофе, возбуждающие приправы и т.д.

Если мы хотим избежать вреда, который может причинить нам обычная пища, мы должны принять решение отказаться от нее и, соответственно, подумать о ее замене. Для этого необходимо знать, какая пища наиболее подходит для нашей пищеварительной системы, наиболее соответствует нашему питанию, наиболее полезна для нашего здоровья и бодрости, наиболее соответствует нашей индивидуальности и вкусу.

Овощи лучше подходят для нашего пищеварительного тракта, чем мясо, поскольку они лучше стимулируют его функции (жевание, переваривание, перистальтику...), меньше вызывают гниение и брожение в кишечнике, уменьшают количество микробов в кишечнике. Растительный белок, хотя и менее усваиваемый, чем животный, но более живой, более неповрежденный, менее разложившийся, а значит, должен позволить нам затратить больше энергии на метаболические изменения и снабдить наши клетки меньшим количеством отработанных материалов. В растительной пище, лучше, чем в смешанной, мы можем найти правильное соотношение между различными ее основными компонентами: альбуминами, углеводами, жирами, солями и витаминами. Неисчислимое разнообразие продуктов питания позволяет выбирать различные диеты в соответствии с индивидуальными предпочтениями и вкусами, а также с теми идеями, которые лежат в основе выбора. Поскольку достаточно доказано, что сырая пища превосходит приготовленную или требующую приготовления, а также поскольку она более естественна, в растительном царстве, особенно среди фруктов, мы можем найти большое разнообразие диет, которые, чтобы лучше усваиваться или пережевываться, не требуют приготовления или предварительной подготовки.

Не все растительные продукты обладают этими преимуществами: например, бобовые, которые являются основным продуктом питания трех четвертей испанцев, можно отнести к непригодным продуктам из-за избытка в них белков, поэтому их называют растительным мясом.

Хотя белки также являются энергетическими веществами, они дают в качестве конечных продуктов метаболизма токсичные продукты (мочевину), в то время как углеводы и жиры оставляют в качестве остатков только воду и углекислый газ.

Для того чтобы рацион был сбалансированным, он должен отвечать следующим условиям:

1. Он должен содержать нормальное и достаточное количество (не слишком много и не слишком мало) пластических (альбумины), энергетических (углеводы и жиры) и каталитических (соли и витамины) веществ. Опыт Чит-Тендена и его учеников в достаточной мере показал, и это можно доказать ежедневно, насколько повышается общая активность и особенно мышечная бодрость при минимальном количестве пластической пищи, которая необходима в младенчестве и юности, когда развитие наиболее интенсивно, и которая практически не нужна в последующем, разве что для восполнения потерь. Это количество определено в 20 г в день.

2. Предлагается в наилучшей степени естественной усвояемости и в наименьшей степени жизненного распада. Отсутствие необходимости в кулинарных препаратах и стимуляторах пищеварения. Преобладание сырых продуктов.

3. Простота, каждый прием пищи состоит из как можно меньшего количества блюд, чтобы избежать возможной несовместимости пищеварительных продуктов химического характера.

4. Адаптация к индивидуальным особенностям и, в первую очередь, к объему желудка.

5. Обеспечивать нормальную стимуляцию пищеварительных функций, не слишком сильную и не слишком слабую. Желудочный сок адаптирован к виду пищи и изменяется в зависимости от нее. Нормальным стимулятором движений кишечника является целлюлоза (неперевариваемый остаток пищи, в изобилии присутствующий в растительном мире).

6. Не содержать токсичных веществ и не быть прямой причиной заболеваний.

Когда речь заходит о применении этих основополагающих идей, начинаются разногласия. Так, например, продукты животного происхождения (молоко, яйца, сыр, масло, мед) одни защищают и считают естественной пищей, а другие запрещают из-за их происхождения и обилия белка. Их усвояемость, их характер как живых продуктов (молоко, яйца, мед), их коллоидное состояние, а также то, что они были частью естественной пищи человека – если это правда, что человек когда-то использовал естественную пищу – делают их приемлемыми в рациональном питании при условии, что их использование не преувеличивается и в условиях, при которых не разрушается их организация (сырое молоко, яйца всмятку). По мнению некоторых, усвоение определенного количества животного альбумина необходимо человеку, что не подтверждается опытом, а по мнению некоторых физиологов, от его употребления выиграет мышечная сила, но эксперименты, на которых они основывают свое утверждение, страдают существенным недостатком, поскольку не учитывается дезадаптация к естественной пище, точнее, порочная адаптация к обычной пище у испытуемых (спортсменов, которые находились на исключительно растительной диете).

Поэтому нет никаких причин, по которым продукты животного происхождения могут быть частью здорового, естественного и гигиеничного питания.

Более острой и свежей является дискуссия о несовместимости продуктов питания – вопрос слишком молодой для того, чтобы мы могли занять какую-то позицию и принять однозначные убеждения. Пища – сложная наука, о которой человечество пока мало задумывается. А ведь именно от нее можно ожидать нашего физического возрождения и особенно профилактики и лечения болезней. Ее современные данные настолько скудны и подвержены пересмотру, что пока не могут помочь нам в выборе оптимальных смесей и сочетаний продуктов питания и с трудом выявляют самые очевидные несовместимости.

Как и натуропатическая медицина, схоластическая медицина признает недостатки мясной пищи, преимущества белкового минимума, нулевую питательную силу мясного бульона и скудность, помимо токсичности, мясного сока, которые представляют ценность только как стимуляторы пищеварения.

Однако они не запрещают их так же, как запрещают алкоголь или табак, о пагубных последствиях которых они знают лучше других. Именно страх отказаться от проторенных рутинных путей и заменить их новыми, требующими освоения, именно страх сменить пассивность на постоянное усилие мешает нам воплотить свои убеждения в жизнь. А еще – необходимость не отставать от людских глупостей.

Неомальтузианство

Неомальтузианство – новая идея, открыто вступающая в противоречие с моралью и интересами современного общества. Ей противостоят гнилые предрассудки, протесты затушевывания, спекулятивные возражения.

Вряд ли они заслуживают внимания тех, кто судил общество по совести и обрек его на полное ниспровержение. Но приведем аргументы против.

Отвращение

Считается, что это аморальная идея насквозь. Потому что она требует пролить свет на сексуальность, непристойную вещь, которая всегда оставалась в темноте. Потому что она навязывает предварительное обдумывание акта, который всегда считался нечистым; поэтому считается безнравственным распространение средств сохранения венерических заболеваний. И потому, что она дает человеку власть, которая раньше принадлежала божеству: контроль над количеством детей. Разумеется, в эту концепцию безнравственности вовлечена религия, всегда мракобесная и всегда отсталая.

Она рассматривается как антисоциальная идея. Опасаются, что если обнародовать способы предотвращения беременности, то никто не захочет иметь детей. Они делают человека обиженным, считая его хуже, чем он есть на самом деле. «Если он не заклеивает и не

крадет, то только из страха попасть в сети Кодекса и санкции Правосудия, под прицел стражей порядка». «Если он воспроизводит все, что только можно, то это потому, что он не знает, как этого избежать». Вот такие упрощенные идеи, дискредитированные опытом, исповедуют люди, управляющие обществом. Действительно, рождаемость значительно снизится, но не настолько, чтобы это представляло опасность для сохранения вида. Конечно, уменьшится количество пушечного мяса и количество оружия, а из-за социальной организации пострадают ложные национальные интересы.

Но причин для беспокойства нет, поскольку контрацепция уже практикуется, с большим или меньшим успехом, образованными классами. И это уже не должно быть привилегией.

Нет недостатка даже в непредвзятых и либеральных авторитетных людях, которые борются с неомальтузианской практикой как с развратными идеями, свойственными экзальтированным мозгам, неуравновешенным существам, которые берут на себя ответственность, руководствуясь собственными идеями, устранить себя путем отказа от размножения. Нет и дотошных оппонентов, борющихся с ней во имя божественной слепоты и чарующей импульсивности инстинкта, которому мы должны отдаться с полным отказом от умственной деятельности.

В защиту

Не тратя времени на опровержение этого контраргумента, мы изложим причины, которые, на наш взгляд, подтверждают неомальтузианство.

С точки зрения биологической морали, единственной морали, заслуживающей уважения на данный момент, все, что способствует благополучию и счастью отдельного человека, - хорошо (благополучие и счастье общества очень трудно интерпретировать), а все, что вызывает несчастье или человеческую боль, - плохо. Поэтому многодетная семья безнравственна, поскольку влечет за собой порабощение матери, разрушение ее организма, отсутствие заботы о детях и даже их неполноценное или плохое воспитание. Это тем более аморально, чем ниже материальное положение матери. С другой стороны, нравственно ограничивать себя в рождении только тех детей, которых можно хорошо воспитать и дать им образование.

Высшее зоологическое качество, достойное превосходства человека, - это владение своими действиями, и прежде всего контроль над своими инстинктами. Быть хозяином репродуктивного акта, а не рабом его - благородное стремление, достойнейшее человека. Это логическое следствие их стремления к прогрессу и совершенству. Воспользоваться наилучшими условиями для воспроизводства, избежать риска увековечить себя при неблагоприятных условиях, знать, как избежать рождения больного ребенка, ограничить воспроизводство возможностями и стремлениями человека - это элементарные желания, победить которые - задача самого человека.

Если нет более серьезного и трансцендентного акта, чем репродуктивный, то ни один из них не заслуживает более серьезного размышления, чем он.

Но это еще не все. У человека есть физиологическая потребность, от нормального удовлетворения которой зависит равновесие сексуальности, а зачастую и духа. Репродуктивный акт зависит от него, но не соответствует его потребностям. То есть не каждый раз, когда возникает потребность в удовлетворении императива полового инстинкта – самого расточительного источника чувственного наслаждения, – репродуктивная сеть ощущается и может быть удовлетворена одновременно. Поэтому, если они расходятся во мнениях, а бывают случаи, много случаев, когда половой акт не может быть репродуктивным, но необходимо, чтобы он таковым не был, то контрацептивные практики уже оправданы. Современный дух уже утвердил право на нерепродуктивный купол, право на наслаждение любовью ради любви.

Далее, есть конкретные причины, холодного разума, например, медицинского и евгенического порядка. Случаи женщин, которые не могут иметь потомство из-за болезни или плохого органического строения. Случаи людей, которые не должны размножаться, поскольку страдают наследственными заболеваниями или передаваемыми по наследству болезненными дефектами. Список длинный, и многие из них не представляют сложности для врача, который обязан предоставить необходимые сведения. Однако, поскольку многие врачи все еще скованы предрассудками, а то и вовсе неспособны по незнанию вопроса, нередко врач доверяет все «божественной воле», что нередко приводит к гибели матери при невозможных родах и появлению на свет существ, обреченных страдать и служить тяжким бременем для общества.

Истоки

Нельзя не упомянуть о предположении, которое дало название этой системе.

Английский протестантский пастор Мальтус в мастерски написанных и хорошо документированных книгах, которые до сих пор не потеряли своей актуальности, показал существующее несоответствие между приростом населения и приростом продуктов питания. Если первое происходит в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8 и т.д.), то продовольствие – в арифметической (1, 2, 3 и т.д.), из чего следует, что наступит день, когда продовольствия будет недостаточно для поддержания численности населения земного шара. Рост численности населения сдерживается эпидемиями и войнами, которые тем более благоприятны, чем больше избыток населения. Интенсивное земледелие позволяет увеличить производство земли, но существует предел как продуктивности почвы, так и условий, которым должна удовлетворять пища, чтобы не нанести вред здоровью человека. Серьезный недостаток интенсивного земледелия и использования химических удобрений ощущается уже сегодня, поскольку минеральная недостаточность продуктов питания является причиной целого ряда заболеваний. Чтобы избежать этого конфликта между перенаселением и недостатком продовольствия, Мальтус советовал ограничить размножение, не рекомендуя при этом никаких других мер, кроме целомудрия. Хотя и сегодня проблема ставится в тех универсальных терминах, в которых ее хотел представить Мальтус, этот конфликт существует с различными нюансами в разных странах и в силу их особого эколого-экономического режима. Всем известно, что число безработных растет с каждым днем.

Капиталистическое общество, таким образом, заявляет, что слишком много ртов, которые нужно кормить, а рабочий с большой семьей видит, что его зарплата явно недостаточна для обеспечения необходимого питания.

Так родилась новая концепция идеи Мальтуса – неомальтузианство, утверждающее право рабочего на улучшение своего экономического положения и право пролетариата не увеличивать число безработных. И эта система, обогащенная аргументами и научными фактами, провозгласила легитимность контрацепции как наиболее эффективного средства ограничения рождаемости.

Два вида материнства

Но ни с какой точки зрения неомальтузианство не является более оправданным, чем с точки зрения сознательного материнства. Право матери быть в полной мере матерью и перестать ею быть. Эмансипация женщины от рабства своего пола: непрерывных родов.

Когда поэты и моралисты воспевают возвышенность материнства, хорошо бы знать, какое материнство они имеют в виду: то ли рождение и воспитание детей с бессознательностью животного, которое измеряется скорее количеством, чем видом, то ли зачатие их в уме, а не в утробе матери, и посвящение себя их воспитанию и выращиванию с пылом и энтузиазмом высокого идеала. Последнее проявляется в избранности единственного ребенка или, в крайнем случае, образцовой двойни. Если речь идет о первом, то похвала с равным или большим основанием может быть адресована любому животному. Насекомые часто являются образцами такого рода. Крысы и кролики также заслуживают всяческих похвал. Но если речь идет о материнстве человеческого ранга, как духовном, так и телесном, выходящем за рамки младенчества и даже детства, то оно обязательно должно быть на нашей стороне. В силу своей интенсивности и той поглощенности, которую оно предполагает, оно не может быть щедрым. Новый ребенок заставляет нас пренебрегать предыдущими, а иногда и отказываться от него.

Многодетная мать не может, даже если хочет, в полной мере осуществлять материнскую заботу о своих детях, следить за их сном, здоровьем, заботиться об их образовании.

Это материнство, которое хочет выйти за рамки грудного вскармливания, окружив младенчество ребенка нежностью и заботой, - это материнство, которое нуждается и требует контроля над актом порождения: власти, позволяющей избежать нежелательного зачатия.

Но у материнства есть и прозаические, прискорбные стороны, которые не склонны замечать ни поэты, ни моралисты. Есть мать, иссушенная лаской, раздражительная, лишенная нежности; есть даже мать, огрубевшая от несчастья или алкоголизма. А есть, с унылыми тонами разочарования и отвращения, мать, ставшая матерью вопреки себе по незнанию или недосмотру, принимающая ребенка со сдержанной враждебностью, которая не исчезает даже от нежных ласковых побуждений грудного вскармливания. Нет ничего хорошего в том, чтобы обвинять этих матерей в том, что они недостойны, и принуждать их к любви,

которой они не испытывают.

Если никакая добродетель не приносит пользы насильно, то добродетель материнства может принести только вред. Женщины воспитаны в этом репродуктивном рабстве. Став матерью, женщина отказывалась от наслаждения жизнью и полностью посвящала себя миссии рождения ребенка. Таким образом, муж-раб получал больше свободы и даже больше поводов для того, чтобы заменить женщину.

Женщина возлагала свои иллюзии счастья на загробную жизнь, надежды на наслаждение в этой жизни рушились, и она становилась ядром религиозности в доме. В этом, как и во всех других социальных аспектах, следует видеть влияние религии, которая на протяжении многих веков осуществляла свое господство. Ни один враг не ревнует к освобождению женщин от их подавленного, репродуктивного состояния, как и к освобождению трудящихся от экономического рабства, и ни один враг не ревнует так сильно и не обладает такой явной сущностью, как религия.

Привилегированные поют о достоинствах труда, но они возложили свое бремя на пролетариат. Точно так же они воспевают достоинства материнства, но стараются возложить эту миссию на лишенных наследства. Для того чтобы первые могли отдыхать или скупо воспроизводиться, вторые должны работать и воспроизводиться без ограничений.

Сексуальная мораль

Нормы, которым мы должны соответствовать в своем поведении, цель, которую должны преследовать наши поступки, императив, который должен царить в нашей совести, - словом, наша мораль не должна быть покладистой, капризной или запутанной, она не должна поддаваться философским спекуляциям и придирчивым интерпретациям; она должна быть чем-то конкретным и категоричным, освещенным разумом, вдохновленным разумом и приспособленным к интересам человека. Наша мораль, и особенно сексуальная мораль, должна быть делом биологии, соответствовать образу жизни и потребностям человека, совершенствованию и сохранению рода. Она не должна вводить в заблуждение, служить прикрытием и оправданием неблагоприятных целей, извращенного поведения и чудовищных отклонений.

Истинная сексуальная мораль, единственная достойная управлять нашей совестью и дисциплинировать наши поступки, - это та, которая основана на психологии человека и интересах рода, которая освобождает сексуальность от препятствий и предрассудков, которые в современном обществе сковывают, деформируют и отклоняют ее; которая очищает любовь от чувственности, управляющей ею сегодня, возвращая ей ее естественную первозданность. Мы хотим освободить сексуальное влечение от тех препятствий, которые уродуют его в современном обществе (интерес, классовые предрассудки, разделение полов и т.д.);

Мы хотим освободить совокупление от предрассудков чести и генитальной чести, которые его конструируют, от разложения несчастья, от извращения невежества, от разврата

публичного дома и болезненной утонченности порока;

Мы хотим уничтожить юридические барьеры, которые, препятствуя свободному течению аффективного чувства любви, возвышают и обостряют его, приводя на грань правонарушения или безумия; мы хотим очистить инстинкт, половой аппетит, как от препятствий и уродств, которые он встречает при своей внешней реализации, так и от опухолей, которые его неудовлетворенность образует в сознании; мы хотим сделать желание и половой акт сознательными, независимыми от видимости и психологического автоматизма. Мы стремимся к возрождению расы, к освобождению вида от его нынешнего вырождения и к развитию всех его возможностей совершенствования путем рационального культивирования сексуальности.

Свобода любви, как и свобода личности, должна иметь свои границы в свободе ближнего, в здоровье и целостности собственного организма, в репродуктивном долге, в святости совести (человеческих чувств), но эта свобода не должна быть свободой инстинкта, скотства, страстей, ибо только тот достоин свободы, кто начал завоёвывать свою собственную свободу, быть сознательным, самостоятельным и самоискупленным.

В нашей широкой морали, терпимой, доброжелательной и прощающей любое поведение, скрываются развращенные личности, психически неуравновешенные, позорно поработанные сексом, которые пытаются сеять конфуцианство, в мутной реке которого они могут спрятать свои психологические уродства, и хотят превратить идеализм в позорное «прикрытие».

Свободная любовь предполагает, как и отсутствие юридических, политических, религиозных и моральных препятствий для ее внешнего развития, ее самостоятельное зарождение в сознании индивида. Вряд ли можно назвать свободной, даже если ее проявления пытаются таковыми казаться, любовь, рожденную рабом развязанной страсти, плодом поражения сознательного «я», рабского подчинения человека зверю.

Сексуальность не может избежать самодисциплины, которой человек должен подчинить все свои желания; она должна нести на себе человеческую печать своей сознательной выработки, мозгового происхождения, продукта не властной над ней психики, потому что к этому обязывает нас наш зоологический ранг. А поскольку сознательное существо не может не считаться с обстоятельствами, которые в буржуазном обществе поработают и извращают любовь (правовые препоны, экономическая зависимость, сексуальное рабство женщин, невежество, привязка чести и достоинства к половым органам и т.д.), оно понимает, что существующая практика свободной любви не может не быть чудовищной и что для ее реализации эффективнее индивидуального бунтарства – терпеливая, медленная и упрямая работа по подрыву социальных детерминант ее поработания.

Но как нравственно и похвально переступить через барьеры законного брака, через предрассудки чести и достоинства, так же не нравственно и не похвально балансировать между отложением женщины, ее экономическим, сексуальным и интеллектуальным рабством ради его обладания, ни обманом ради его завоевания, ни, тем более, предложением свободной любви, чтобы бросить партнера безоружным, в яростной враждебности среды,

или нарушить клятву после того, как она послужила отмычкой.

Женщина не может вступить в свободный союз, пока экономическая зависимость, законы, материнство и предрассудки ставят ее на более низкую ступень, чем мужчина; и сексуальный союз не может быть свободным, пока плод любви рождается в поношении или как бремя для своих родителей.

Пусть не пугаются догматики, не суетятся лицемеры, не клюют на их приманку жабы социального болота; нам нужна сексуальная мораль, которая заботится о том, чтобы защитить пробуждение сексуальности в ребенке, инициировать её, чтобы предотвратить её отклонения, облегчить ей познание ее сущности, ее значения, ее гигиены и ее опасностей, а не болезненно зажимать ее в глубинах совести; мораль, которая выливает сексуальное влечение в формы здоровья, добра и красоты, ориентированные на высшее евгеническое совершенство продукта; Мораль, которая подчиняет сексуальное влечение мозговому сдерживанию, очищая его от животности и сдерживая в справедливых рамках функциональности органа, в котором оно обитает; словом, которая накладывает на наши поступки печать человеческой зрелости, обдуманности, совести и самодисциплины, которая избавляет любовь от видимости импульсивности, но мы отвергаем всякую догму, всякую связь, всякое ограничение, претендующее на противодействие осуществлению нашей сознательной воли.

Версия #1

Зверобой создал 3 июня 2026 07:58:00

Зверобой обновил 3 июня 2026 08:02:37